

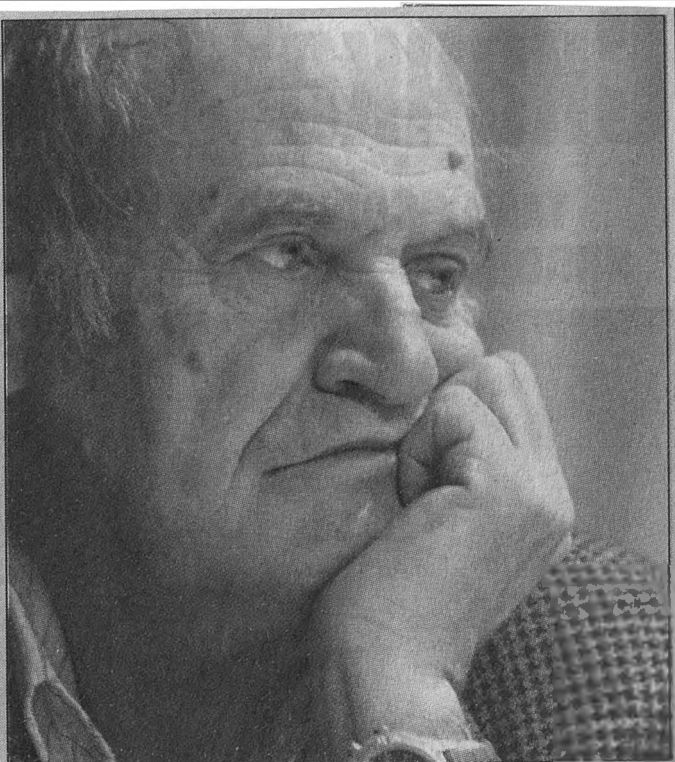

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Гамлетовский занавес

ЕГО СОЗДАТЕЛЬ, ХУДОЖНИК ДАВИД БОРОВСКИЙ, ОТМЕЧАЕТ 70-ЛЕТИЕ

Таганские юбилеи сменяют друг друга со скоростью снежной лавины. Казалось бы, совсем недавно вся театральная общественность восторгалась творческой молодостью 85-летнего Юрия Любимова, а затем отмечала 40-летие Театра на Таганке, у которого открылось второе дыхание. А теперь и Давид Боровский отмечает 70-летие...

Правда, встречает свой юбилей Боровский в статусе главного художника МХАТа им. Чехова с формулировкой «на общественных началах», то есть без зарплаты, что было его принципиальным условием. Однако с какими бы режиссерами и театрами ни сводила его судьба (а работал Боровский с такими корифеями, как мейерхольдовский ученик Леонид Варпаховский, Лев Додин, Олег Ефремов, Георгий Товстоногов, Анатолий Эфрос, Валерий Фокин и многие другие), в историю театра XX века (ни больше, ни меньше) он войдет в первую очередь как полноправный соавтор любимовской Таганки, генератор идей, от которого подпитываются буквально все наши знаменитые театральные художники. Хотя с Таганки он уходил дважды — первый раз в знак солидарности с уехавшим Юрием Любимовым, второй раз — не сработавшись с вернувшимся Юрием Любимовым и его правой рукой женой Каталиной (впрочем, журналисты так и не добились его комментария по этому поводу).

Свое попадание в десятку с выбором профессии Давид Львович объясняет волей случая — мать и сестру положили в больницу, и Боровский, тогда еще ученик художественной школы, остался один без денег. Устроился в киевский Театр им. Леси Украинки учеником декоратора, мыл кисти и горшки для красок, смотрел спектакли, постепенно «подсаживаясь» на «смежное» искусство. Так же случайно попал в Москву с гастролями, посмотрел в музее МХАТ на макеты Симонова и сам увлекся изготовлением макетов. Однажды в самом начале оттепели театр принял к постановке «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо и забраковал макет главного художника театра. Так же случайно выяснилось, что ученик декоратора Боровский тоже сделал макет — свое представление об Италии, которую мы обрели вместе с просочившимся итальянским неореализмом кино. Его макет и спас положение. С тех пор — с 56-го года — Боровский не знает отбоя от приглашений.

Становление Боровского совпало с возрождением страны и возвращением из лагерей золотого генофонда (вернее, его уцелевших «крупниц»). Одним из вернувшихся был мейерхольдoveц Леонид Варпаховский, который впоследствии, после нескольких совместных работ, познакомил Боровского с Любимо-

вым. К тому времени и Любимов уже «положил глаз» на макеты Боровского, и Боровский испытал потрясение от легендарного «Доброго человека». Но их первую совместную работу — спектакль «Живой» по повести Можая — ждала несчастливая и уникальная судьба: 21 год «Живой» «пролежал на полке». 21 год в нем поддерживалась жизнь и к началу каждого сезона в театр привозили — на всякий случай — свежие березовые стволы (их тоненькая рожица с избами-скворечниками должна была, по Боровскому, символизировать нашу жизнь, освобожденную от какой бы то ни было собственности).

А бывали и абсолютно счастливые попадания. «Гамлетом» Любимов соблазнял Боровского целый год. Тот отнекивался. В промежутке затеяли выпуск спектакля «А зори здесь тихие». Боровский предложил ставший потом знаменитый кузов, который трансформировался и в сарай, и в сушилку для выстиранных неформенных лифчиков женского взвода, и в слуги для переправки через болото, и в лес. Любимова кузов не устроил. Раздумывая над новым решением, художник случайно увидел, как жена вяжет свитер. И придумал свой легендарный вязаный занавес, который «правил бал» в «Гамлете» и сметал героев со сцены в небытие. Об этом занавесе потом напишут не один десяток восторженных статей, некоторые критики предложат вписать его в программку первым действующим лицом, в Центре Помпиду в Париже занавес Боровского будет представлен на выставке десяти лучших декораций к «Гамлету» в театре XX века. А Любимов... даст Боровскому полный карт-бланш и согласится на кузов в «Зорях».

Давид Боровский заставил заиграть самые бытовые предметы и самую нетеатральную «изнанку» сцены — брусья-штанкеты, кирпичный задник. Да что там, даже саму жизнь он заставил быть частью спектакля, рифмой, контекстом, распахнув настежь окно на заднике театра, выходящее прямо на улицу. От его декораций, словно от брошенного в воду камня, расходятся смысловые круги. Его емкие и лаконичные метафоры — то самое бытие, которое во многом определяет сознание режиссера. И с кем бы не разводила его судьба, в конечном итоге повезет тому, с кем Боровский будет работать.

Лирическое отступление — Давид Боровский известен не только как потрясающий художник театра, но и как отец Александра Боровского, главного художника «Табакерки» (ох, и дальновиден же Олег Павлович!) и Центра им. Мейерхольда. «Золотые маски» и прочие знаки признания распределяются между отцом и сыном почти равномерно.

Павел КОНСТАНТИНОВ

Вот Москва - 2004 - 5 июля - с. 9